

С КЛЕЙМОМ «ВРАГА НАРОДА»

Василий ГРИШАЕВ

«ЯНВАРИЧИ»

Документальный очерк

ОТ АВТОРА

Наверно, не один я испытал горькое чувство недоумения, когда приходилось читать о массовых репрессиях сталинских времен. Как же так? Народ, совершивший три революции, безропотно позволял уничтожать себя! Ведь среди этих жертв было немало людей, закаленных в тюрьмах, на каторгах, в сражениях гражданской войны, людей не просто сильных, а негибаемых! И ни одного случая сколько-нибудь организованного сопротивления неприкрытому террору... (Бесчисленные «заговоры», якобы раскрытые органами ОГПУ-НКВД — не в счет.)

Я знаю, слышал, читал, что роковую роль в этом сыграла глубокая вера народа в справедливость советского строя, в партию, вождя. Против кого восставать-то?..

Хорошо известно также, как душили в зародыше малейшую попытку сопротивления огромный всемогущий аппарат «органов».

И все же, все же...

Но вот газеты, затем Анатолий Жигулин в повести «Черные камни» рассказали о «коммунистической партии молодежи (КПМ)», существовавшей в Воронеже в 1947—1949 годах. И, знаете, словно свежим ветерком пахнул в душу отрадный этот факт! Были, были и в те жестокие времена люди, не побоявшиеся подняться на борьбу с произволом, ложью, тиранией! Жива была поруганная, но не покоренная душа народа!..

И было этим отважным по 17-18 лет....

15 января 1989 года в газете «Алтайская правда» появилась статья архивиста А. А. Хорошилова «Подпольщики из «Союза январичей». Оказывается, и на Алтае, в Рубцовском педагогическом училище, существовала ученическая подпольная организация, только действовала она десятью годами раньше.

Статья вызвала большой интерес. Выяснилось, что в городе Славянске Донецкой области живет бывший руководитель

«Союза январичей» Николай Антонович Камнев*, а в подмосковном городке Куржач — его помощник Василий Елисеевич Лысенко. По заданию редакции газеты «Молодежь Алтая», более других заинтересовавшейся «январичами», туда выехал корреспондент Александр Черников. О своей поездке он рассказал в статье «...Суд возвратится к правде» («Молодежь Алтая» от 28 июля 1989 г.).

Статья эта каким-то образом попала в редакцию молодежной газеты «Ленинская смена» (Белгородской области). Молодые работники редакции «вычислили», что упомянутый А. Черниковым Михаил Ропанов, земляк Николая Камнева, это никто иной, как их старший коллега Михаил Афанасьевич Ропанов, старший белгородский журналист, заслуженный работник культуры РСФСР, ветеран войны и труда.

24 февраля 1990 года «Ленинская смена» опубликовала беседу с ним.

Но все эти публикации не дают, к сожалению, полной картины деятельности «январичей», ибо основаны лишь на воспоминаниях пятидесятилетней давности. Исключение составляет статья А. А. Хорошилова, но два-три документа, найденных им в краевом партархиве, тоже довольно скупы по содержанию.

Мне в этом отношении, можно сказать, больше повезло. Я познакомился с двухтомным уголовным делом «Союза январичей» и материалами по их реабилитации. Разумеется, я очень благодарен людям, любезно предоставившим мне, краеведу, такую возможность, но, думаю, никого не обижу, если скажу, что главной причиной моего «везения» является все-таки гласность, которая, хоть и не без труда, пробивает себе дорогу уже в такие «заповедные» места, куда раньше не ступала нога исследователя.

* Настоящая его фамилия — Каменев. После известного Московского процесса он переименовал её.

От души благодарен я и Николаю Антоновичу Камневу, Михаилу Афанасьевичу Ропанову, которые в обстоятельных и открывенных письмах поделились со мной воспоминаниями, ответили на мои вопросы.

Писал я и Василию Елисеевичу Лысенко, но ответа не получил. (О вероятных причинах — позже.)

Обстановку тех лет, жизнь и стремления деревенской молодежи помогла лучше понять и лиричная, почти автобиографическая повесть М. А. Ропанова «Рябинушка» (Воронеж, 1977), где прототипами некоторых юных героев являются, по признанию автора, «январичи». К сожалению, о подполье там — ни слова. Год-то издания — 1977-й!..

Опираясь на эти материалы, я попытаюсь рассказать еще раз о «январичах», ибо считаю, что о таких людях мы должны знать как можно больше, помнить их и чтить. Они это заслужили.

Ничуть не заблуждаюсь относительно того, что и мой рассказ не свободен от недостатков и «белых пятен», как теперь модно выражаться. Но что ж... Другой продолжит. Другой пойдет дальше торить тропу народной памяти...

«БУДЬ ОНА ТРИЖДЫ ПРОКЛЯТА, ЭТА ГРЯЗЬ!..»

4 января 1939 года, в десятом часу вечера, ученики 2-го курса Рубцовского педагогического училища Николай Камнев и Василий Лысенко возвращались с занятий домой, на улицу Ипподромскую, где жили на частных квартирах, неподалеку друг от друга. (Мест в общежитии не хватало.)

Они были земляки, родились и выросли в селе Селиверстове Волчихинского района, вместе закончили неполную среднюю школу в Солоновке, вместе поступили в прошлом году в училище. И по возрасту были почти ровесники: Васе Лысенко три дня назад исполнилось 17 лет, Николай был на полгода старше.

Отец Камнева до коллективизации числился в середняках. В колхоз вступать не захотел, да еще, видимо, сказал что-то на свою голову. В 1931 году его арестовали за «антисоветскую агитацию». Правда, через три-четыре дня выпустили, но обложили таким налогом, выплатить который он был не в состоянии. А за неуплату отобрали последнюю лошадь и дом, выкинули с семьей на улицу.

Чтобы читатель нагляднее представил, как это выглядело, сошлюсь на воспоминания Михаила Ропанова. Его семью постигла та же участь, причем за то же самое — неуплату налога. Дом купил один из сельских активистов. Полупьяный, он забрался на крышу и на глазах выселенной семьи (полуслеплого после германской войны отца, плачущей матери и двух малых детей), на глазах других односельчан начал с треском отдиирать доски, торжественно распевая:

«Весь мир насильем мы рраз-руушим...»

Слова пролетарского гимна активист

переделал на свой лад. По своему пониманию...

Вряд ли с Камневым поступили человечнее. Не оттого ли отец умер в 1932 году?..

Мать вторично вышла замуж за односельчанина Мазурова Тимофея, вдовца, отца четырех детей, колхозника, работающего мужика, мастера на все руки, но тоже «меченого»: его брат получил десять лет лагерей за «антисоветскую агитацию».

У Василия Лысенко биография с этой стороны была благополучней: лишь дядя по матери лишен избирательных прав. Родители — бедняки, в колхоз вступили сразу, оба работали, отец — бригадным конюхом, мать — куда пошлют, но концы с концами сводили с трудом: в семье было четверо детей, а заработки в колхозе известные...

И вот, шагая по темным снежным улицам деревянного одноэтажного Рубцовска, друзья, наверно в который раз, разговорились о жизни. Почему колхозники трудятся от зари до зари, без выходных и отпусков, а живут бедно? Да и в городе не лучше. Газеты трещат о свободной счастливой жизни, а где она? И кто виноват в этом?

В конце концов друзья пришли к такому выводу, вполне простительному для их возраста и кругозора: Сталин и Правительство ведут правильную линию, а все беды — от местных начальников. Они лишь о своей корысти пекутся, народом помыкают как хотят. Эх, рассказать бы всю правду о них там, в Москве! Но как? В открытую не получится: укутут на Соловки за антисоветскую агитацию.

И тут их осенила такая мысль: а что если создать подпольную организацию, которая боролась бы за правду, за народ? Как большевики при царизме!

И за себя так постоять легче. В училище тоже беспорядков хватает: в общежитии спят по двое на одной кровати, вши, грязь, в столовой кормят плохо и дорого, в баню водят редко, завуч Чубаров — несусветный грубиян. Но попробуй выступи в одиночку — заклюют.

Мысль о создании подпольной организации увлекла друзей. Они стали искать единомышленников. Уже в январе сагитировали двух однокурсников — Кашкарова Василия и Завозова Александра. При этом — и позже — уверяли, что организация будет иметь просветительный, безобидный характер; может, боялись отпугнуть (неудивительно по тем временам), или сами еще толком не представляли, чем станут заниматься.

Завозова, например, уговорили так:

— Вот ты, Саня, комсомолец, а политически подготовлен слабо. Вступай в нашу организацию, мы будем изучать историю партии, а также учиться писать стихи и рассказы.

Надо сказать, что отношение к истории партии, по крайней мере, в стенах Рубцовского педучилища, было особое: ученики проявляли к ней гораздо больший интерес, чем их коллеги теперь. Кроме того, многие из них, в том числе и Завозов, не на шутку увлеклись сочинительством. Предложение Камнева и Лысенко вполне

совпало с его желаниями, он охотно согласился.

Затем был вовлечен Гриша Иващенко, тоже селиверстовец, Лысенко жил с ним на одной квартире. Это был смуглый черноволосый бойкий парнишка, фантазер и книгоед. Он знал наизусть массу стихов, особенно пушкинских, любил их декламировать, тайком и сам сочинял, мечтал написать поэму о крестьянской доле. В его блокноте, изъятном при обыске, обнаружили потом такую запись: «Я хочу быть гением, пусть маленьким».

Грише было 16 лет. Кто в его годы не мечтает быть гением, даже большим?..

В марте подпольщики решили выпустить нелегальную газету. Название ей придумали такое: «Действительность». Редактором выбрали Василия Кашкарова. Завозов написал для нее рассказ «Нищенка» (об одной знакомой девочке). Но довести до конца эту задумку не удалось. Кашкаров не захотел учиться и выбыл из училища.

Летом, на каникулах, Лысенко вовлек в организацию своего дружка Алексея Вельма, ученика кемеровского ФЗУ, тоже приехавшего на каникулы. Тот пообещал создать у себя такую же в ФЗУ. (Наперед скажем, что он этого не сделал.)

С началом занятий дело с вербовкой пошло веселее. В октябре-декабре были вовлечены Гуськов Анатолий, Лямкина Клавдия, Пархоменко Василий, Лопатина Анна, Кулаков Николай, Караваяева Екатерина, Воронов Виктор, Акименко Семен, Набережных Андрей (единственный первокурсник, все остальные — со второго).

Делал эти общими силами: Камнев и Лысенко вовлекли Гуськова и Воронова, Воронов — Акименко, Завозов — Пархоменко и Набережного, Лысенко — Лямкину, Лямкин — Лопатину, Лопатина — Караваяеву и т. д.

Вовлекали не первых попавшихся, а самых лучших, надежных. Все они были комсомольцами (за исключением Лопатиной), что в те годы являлось отнюдь не пустой формальностью, лучшие ученики, активисты: Камнев — член комитета комсомола училища, Лысенко — группкомсорг, Иващенко и Воронов — старосты класса, Лямкина — физорг класса, Кулаков — член профкома училища. Судя по анкетам, из раскулаченных семей (по тогдашним меркам — потенциальных врагов Советской власти) было всего трое: Воронов, Кулаков, Лопатина, остальные — из середняков.

Как уже говорилось, все они были, за исключением Андрея Набережных, учащимися второго курса. По школьным меркам — девятиклассники. Дети. Но это были крестьянские дети. На их глазах прошли раскулачивание, насильственная коллективизация, массовые аресты и высылки, заведение почти каждую семью; на их глазах деревня нищала, разбрелась, предавались поруганию милые сердцу обычаи, верования, праздники, словом, происходил, как мы теперь выражаемся, мучительный процесс раскрестьянивания.

Жертвы этого раскрестьянивания встречались на каждом шагу и в Рубцовске. Камнев с Ропановым жили на квартире у

односельчанина Якова Канунникова. До коллективизации он имел трех лошадей, крупорушку с конным приводом, словом, крепкое, налаженное хозяйство. Не желая вступать в колхоз, распродал все за бесценок и переехал в Рубцовск. Здесь устроился помощником машиниста паровоза, его отец — коныхом, брат — рабочим депо, другой брат в 1938 году угодил в лагерь за «антисоветскую агитацию».

У Канунниковых нередко собирались и другие селиверстовцы, вынужденные покинуть село и кое-как пристроившиеся в городе кто сторожем, кто кочегаром или стрелочником. Огорванные от земли, тосковавшие по своим разоренным хозяйствам, привычному крестьянскому труду, они, не стесняясь Камнева с Ропановым, ругали Советскую власть, колхозы, чуждые им городские порядки, бедность и неустройство.

Камнев попервоначалу, как истинный комсомолец, пытался спорить с земляками, но они лишь горько усмехались:

— Сынок, раньше батрак лучше жил, чем теперь подневольный колхозник. Спроси, кого хошь... И в Нарым не мироедов сослани, а лучших труженников... А скольких пересадили ни за што ни про што? Где же она, твоя сла-бодная счастливая жизнь?

Позже, на допросе, Камнев признался, что эти разговоры побудили его (цитирую протокол) «встать на путь нелегальной антисоветской деятельности».

Возможно, под влиянием этих разговоров сделал он и такую запись в блокноте, изъятном при обыске:

«Рубцовск... Маленький крохотный городок... Грязь! Грязь! Будь она трижды проклята, как она надоела мне!».

Рубцовск в моем воображении отождествляется с голодом, нищетой, беспорядком, муками народа, смертью, наконец...

Наряду с нищетой, голодом большинства народа видишь толстобрюшье, толстомордые отдельные личности, составляющих абсолютное меньшинство».

При формировании подпольной организации Камнев проявил большую осторожность. Даже Ропанов не привлек, хотя спал с ним на одной кровати. Тот узнал о подпольной деятельности товарища лишь в тот страшный вечер, когда сотрудники НКВД пришли его арестовывать.

Много лет спустя они встретились в родном Селиверстоле, вспомнили былое, и Камнев так объяснил причину своей осторожности:

— Ты бы все равно не пошел с нами. У тебя книжки были на первом месте.

Миша Ропанов, действительно, все свободное время проводил в библиотеке (на дом книжки не выдавали), мечтал посвятить себя литературному творчеству, словом, был как бы не от мира сего.

«Что, если бы «январичи» предложили мне вступить? — пишет Михаил Афанасьевич. — В НКВД я бы не побежал, хотя и серьезно мог пострадать за то, что не донес. Но и в организацию бы не вступил. Я ведь и после смерти вождя еще долго в глубине души боготворил его...»

Как видим, Камнев оказался неплохим психологом.

«ПРАВДИН», «МРАССУ ШОЛБАН» И ДРУГИЕ

В начале учебного года в училище возникли большие трудности с жильем, особенно для вновь поступивших. Директор училища Павел Иванович Шамин дал команду заселить новое общежитие на 400 человек, еще не принятое от строителей. Но вскоре, по решению оргкомитета ВЦИК по Алтайскому краю, оно было передано воинской части. В это время в училище и появилась коротенькая листовка, написанная от руки печатными буквами:

**ДОМОЙ, ТОВАРИЩИ!
К ЧЕРТУ ЖИТЬ В ТАКИХ УСЛОВИЯХ!**

Ее написали и тайком расклеили Камнев, Лысенко, Иващенко... Может, и не листовка сработала, но около ста учеников забрали документы и разъехались по домам.

Справедливости ради надо сказать, что администрация училища была не виновата. Директор пытался отстоять новое общежитие, но ни в райкоме партии, ни в райисполкоме поддержки не получил. «Меня выгоняли из кабинетов», — писал он позже.

С большим трудом удалось разместить учеников по частным квартирам, обеспечить их постельным бельем и деньгами на оплату жилья.

Как вспоминает Ропанов, жилось им в Рубцовске нелегко. До родного села 120 верст, зимой — заносы, транспорта никакого, на помощь из дому надеяться не приходилось. Да и что родители могли поделать? Сами на картошке сидели. Вся надежда у бедных «студентов» (так они себя называли), оставалась на стипендию — 42 рубля. А килограмм хлеба стоил 90 копеек...

Когда началась финская война, в училищной столовой ввели карточки на хлеб. Карточки печатали на машинке. Некоторые ученики ухитрились их подделывать: вместо оторванного квадратика с числом подклеивали другой, а «печатную» цифру на нем выводили жженой спичкой. Буфетчица, добрая душа, лишь делала вид, что не замечает подделки. Жалела ребят. Ведь растут! В столовой готовились разные блюда, в том числе и мясные, но тем, кто жил на стипендию, то есть большинству, они были не по карману.

Одевались тоже бедней бедного: магазины были практически пусты. Исключением составляла лишь Клава Лямкина. Мать ее была портнихой, отчим — продавцом. В эту шестнадцатилетнюю черноглазую красавицу с точеной фигуркой и тяжелой черной косой парни были поголовно влюблены...

12 декабря 1939 года, в пять часов вечера, после занятий, подпольщики впервые собрались в одном из классов училища. Пришло девять человек: Камнев, Лысенко, Иващенко, Завозов, Лопатина, Воронов, Пархоменко, Акименко, Лямкина. Собрание проходило под видом репетиции драмкружка. На стол для отвода глаз положили сборник одноактных пьес и зачем-то

«Краткий курс истории ВКП(б)». Любопытных, заглядывавших в дверь, прогоняли:

— Нельзя! Идет репетиция.

Накануне собрания Камнев зашел к Лысенко на квартиру, и они вдвоем в один присест составили программу и устав будущей организации. Вот они:

«ПРОГРАММА

I. В области просвещения.

Члены «Союза» обязаны изучать политику, читать художественную литературу, писать статьи, фельетоны, «колюшки», идеи, взгляды — все эти виды являлись фундаментом и потолком образования.

С этой целью создается сектор самообразования, в ведомство которого входят:

1. Изучение политики.
2. Журналистика.

II. В области финансовой.

Для приобретения литературы, бумаги, особых поездок, разумного отдыха и т. д. ввести членские взносы: вступительные 5 рублей и ежемесячные — 2 рубля.

III. О работе среди молодежи.

Подготавливать молодых людей к вовлечению в «Союз». Для обеспечения прочного победного существования нужно наличие нам сочувствующих (друзей, подруг).

IV. 1. Изучение жизни трудящихся масс.

2. Информация Правительству о состоянии трудящихся масс.
3. Стоять всегда против всего за правду.

Как видим, четвертый раздел — самый радикальный.

«УСТАВ

I. О членах и их обязанностях.

а) Членом «Союза» может быть достигший 15-летнего возраста, признающий Программу и Устав, желающий работать в «Союзе», платящий членские взносы.

Примечание. Кроме всего сказанного, необходимо, чтобы вступающий более или менее был политически грамотный, выдержанный, честный, ценящий дружбу.

Вовлекаемый вовлекается одним из членов с разрешения и рекомендации комитета.

б) Член обязан:

соблюдать строжайшую дисциплину (как члена «Союза»), активно участвовать в союзной жизни: изучать политику, писать рефераты, участвовать в журнальной деятельности, проводить решения на практике, неустанно работать над повышением идейной и политической вооруженности.

II. О дружбе.

Членам необходимо быть теснейшими друзьями. Это еще необходимо потому, что наш «Союз» должен быть единым целым. Если и будут перереки, то они не должны отражаться на существовании «Союза».

III. Организационное построение.

Руководящим принципом организационного построения «Союза» является демократический централизм в смысле стро-

гой дисциплины, подчинения меньшинства большинству.

IV. Законодательный и исполнительный органы «Союза».

Высшим законодательным органом является собрание всех или двух третей членов.

Собрания собирать не реже одного раза в месяц.

Исполнительный орган — комитет руководит работой между собраниями.

Заседания комитета проводить не реже трех раз в месяц.

Состав комитета:

1. Председатель.
2. Заместитель председателя.
3. Технический секретарь.
4. Заведующий отделом самообразования.
5. Финансист.

V. Оформление.

1. Каждый член должен иметь союзную кличку.

2. Всем членам выдается форменный документ (7×9,5 см) за подписью председателя и самого члена по кличкам.

3. Для распознавания «своих» на письме в нужных случаях писать сверху на правой стороне затупеванный квадрат.

VI. О правах членов.

Все члены пользуются одинаковым правом на собраниях, в участии в журнальной деятельности, в пользовании средствами, литературой, бумагой и т. д.

VII. Вопрос о наказаниях и их мерах решается общим собранием «Союза»...

И в этом документе, согласитесь, есть дыхание революционной романтики, немало и детства, но где же здесь «антисоветчина», в которой их потом обвинили?..

Устав и программа были приняты единогласно, затем избран комитет в составе: Камнев — председатель, Воронов — заместитель, Лысенко — секретарь, Акименко — заведующий отделом самообразования, Лопатина — финансист.

Немного поспорили о том, как назвать организацию. Было несколько предложений: «Правдисты», «Декабристы», но прошло то, что придумал Камнев: «Союз январичей». Ведь организация зародилась в январе.

Здесь же решено было выпускать литературно-политический журнал. Лысенко предложил назвать его «Заря», Пархоменко — «Разогни», Воронов — «Рассвет». Прошло предложение Воронова. Он же был избран и главным редактором.

Согласно уставу, договорились и в членских билетах, и в журнале свои публикации подписывать только подпольными кличками. Кличку придумал себе каждый сам. Они были такие: Камнев — «Правдин», Лысенко — «Олег Зорькин», Воронов — «Роберт Бертонов», Иващенко — «Гришка Отрепьев» (его и раньше так прозывали), Завозов — «Робин Гуд», Пархоменко — «Ункас», Лопатина — «Костич Мария», Акименко — «Джон Сильвер» (коварный пират из «Острова сокровищ»).

Лишь красивая, но несколько обделенная фантазией Клава Лямкина ничего не могла придумать. Лысенко окрестил ее «Мрассу Шолбан». Что это означает — ни-

кто не знал. Лысенко, посмеиваясь, уверял, что вычитал это имя в одной книжке.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО МОЛОТОВУ

23 декабря подпольщики обсудили и приняли составленный Камневым проект письма Председателю Совета Народных Комиссаров Вячеславу Михайловичу Молотову. Привожу его целиком.

«Товарищ Молотов, мы верим еще в свое руководство, в своих вождей. Вы дорожите этой верой, просим выслушать нас. Наше слово сводится к следующему:

За 1937—1938 годы тюрьмы Советского государства переполнились и весьма существенно. Нам известно, что много, если хотите, большая часть томящихся в тюрьмах сидит, томится, умирает в казематах ни за что. Конечно, не все томится в тюрьмах, многие из них, даже, возможно, больше, чем мы думаем, работают, но как работают? Известно, каторжным трудом.

Труд как труд, делается он каторжным потому, что кормят заключенных плохо. Хлебом сухим и то не вволю. Ясно, что проработав восемь лет в таких условиях, эти люди заранее обречены на смерть. Забываете, товарищи, что имеете дело с людьми.

Выше мы сказали, что многие из заключенных, особенно рабочие и колхозники, сидят ни за что... О, где предел человечества! Сердце сжимается при мысли о подобном правосудии. А дети, семьи мучеников? Вот и скажи правду открыто, сразу заберут как политического преступника и осудят на 15 лет.

Между прочим, правосудие чересчур злоупотребляет маркой врагов народа. Не Ваша здесь вина, а политическая слепота трижды бездушных людей на местах. Даже нельзя представить подобную беззаконность в советской стране, где человек самый что ни на есть на земле в правах равный. Разве можно так перевоспитать людей? Так можно безошибочно усилить злобу против себя, только не исправит! Товарищи Сталин и Молотов правы, когда говорят о бездушности некоторых властителей на местах к людям.

Вы сделали полдела в этом отношении, скопыкнув с поста НКВД Ежова, полдела все же осталось несделанным.

Вячеслав Михайлович, если дорожите доверием трудящихся, сделайте полдела, оставленного несделанным, освободите безвинных от каторжного труда, то есть от нечеловеческих условий. Этим самым Вы порадуете несчастные семьи рабочих и крестьян. Как Вы должны сделать несделанные полдела, Вы сами знаете много лучше нас. Желательно бы правосудие крепко предупредить при рассмотрении дел смотреть раскрытыми глазами на безобразия.

С комсомольским приветом! Борцы за правду, за интересы трудящихся, Ваши помощники».

Право, трудно определить, чего здесь больше: безоглядной смелости или наивной

веры в справедливость высших органов Советской власти?..

Отправить письмо поручили Семену Акименко. Тот, в целях конспирации, сдал его заказным в селе Веселоярском (28 километров от Рубцовска). Квитанцию представил Камневу. Запомните пока этот факт, читатель.

На этом же собрании утвердили текст листовки против завуча Чубарова, грубившего ученикам:

УЧАЩИЕСЯ! УЧИТЕСЬ У НАС НА ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА ОТВЕЧАТЬ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВАМИ! НА ДЕСПОТИЗМ, МЕСТЬ И НАСМЕШКИ НАШЕГО ЗНАМЕНИТОГО ЗАВУЧА ЧУБАРОВА ОТВЕТИМ ВСЕОБЩИМ ПРЕЗРЕНИЕМ!

**А ТЕПЕРЬ В ЗНАК ЕДИНСТВА НАШИХ МНЕНИЙ ГРОХНЕМ НАД НИМ:
ГРА-ХА-ХА-ХА!
ХА-ХА-ХА!**

Лысенко, как секретарь комитета, переписал листовку в десяти экземплярах печатными буквами (опять же в целях конспирации), и в ночь на 26 декабря она была расклеена по училищу Вороновым, Завозовым, Лямкиной, Лопатиной.

Но наутро, еще до занятий, все листовки, к немалому огорчению подпольщиков, были сняты бдительной администрацией.

И этот факт запомните, читатель.

В тот же день по этому случаю было созвано комсомольское собрание, и на нем, по предложению директора, выступившего с краткой информацией, был осужден «хулиганский поступок неизвестных лиц, обнаруживших которых, к сожалению, не удалось».

Наши великие конспираторы и этим были довольны. То ли еще будет!

Только радоваться было нечему...

«П. и Б. ПОРВИ, С. РАСПАЛСЯ...»

Юные подпольщики не только вскрывали недостатки, писали письма и листовки. Они много сил отдавали политической учебе, чтобы стать, как писал Виктор Воронов, «достойными строителями социалистического и коммунистического общества».

Способ достижения этой цели они так себе представляли: каждый «январич» после выпуска едет в село, создает там свою организацию и начинает борьбу с местными бездушными руководителями. Постепенно члены организации проходят, благодаря своему авторитету, на ключевые посты в селе, районе и тогда уж без помех проводят свою линию. А для этого, считали они, надо быть прежде всего политически подкованными.

На каждый месяц «январичи» составляли план политической учебы (сверх училищной программы) и старались его неукоснительно выполнять. Вот, для примера, план на февраль 1940 года:

«1. Изучить вторую и третью главы «Краткого курса истории ВКП(б)».

2. Выучить 30 слов «Политического словаря» (усвоить, что они означают).

3. Прочитать труды В. И. Ленина: «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Три источника и три составных части марксизма».

Все это, повторяю, сверх учебной программы, и без того достаточно напряженной. Теперь-то много ли найдется примеров подобного отношения к политическому образованию?

Впрочем, обвинять нынешнюю молодежь в прохладном отношении к официальной политической науке вряд ли справедливо. Причина, как хорошо известно, не в одной молодежи. Но не будем отвлекаться.

На вступительные и членские взносы «январичи» купили 33 книжки и брошюры политического содержания, в основном труды Ленина, Сталина. Книжки хранились у Семена Акименко. Пользовались ими сообщая.

Настроение у них, особенно на первых порах, было боевое. Гриша Иващенко в эти дни писал:

Будем жить, страдать, смеяться,
Будем мыслить, петь, любить,
Будем делом увлекаться,
Славно, братья, в бурю жить!..

Примерно то же самое — и тоже стихами — пытался выразить и «Олег Зорькин» (Лысенко), хотя у него это получилось, на мой взгляд, слабее:

Работать, работать много надо,
Чтоб выполнить великие дела,
Учить политику, письмом заняться,
Смотришь — и дела лежит стопа...

Надо сказать, что «январичи» занимались не только изучением трудов В. И. Ленина да толковали о политике. Клавде Лямкиной, например, комитет поручил научить подпольщиков танцевать и песни петь, и она это успешно выполняла. Кто же с такой девушкой откажется станцевать? Возраст брал свое. Но жили они все же по правилу: делу — время, потехе — час...

«Мы объединились для того, — писал «Правдин» (Камнев) в журнале «Рассвет», — чтобы превратиться из вечно хилых, робких и подлых душ, солдогожащихся от угрозы власти, в людей, борющихся за правду и справедливость против всего и всех, борющихся и отстаивающих интересы народа, в людей, не знающих страха ни за что, ни против чего, ни перед чем.

Мы живем в революции, тем не менее мы такие люди, которые идут дальше очередных задач, поставленных революцией, подчас искаженных, мы также коммунисты, но глубже обыденных и горе-коммунистов. Этим только и можно объяснить таинство нашей организации.

Каждому человеку жизнь дается один раз. Можете использовать ее так, как вам угодно. Желаете прожить беспечно и бесполезно — живи. А мы, объединившиеся в «Союз», отдадим свою жизнь на борьбу с врагами, за народ...»

Славные были ребята! Можно лишь преклониться перед смелостью, чистотой и благородством их порывов. Только ноша,

которую они взвалили на свои неокрепшие плечи, оказалась им не по силам. Замах был велик, но он не соответствовал реальной обстановке и скромным возможностям «январичей». Дела у них начали пробуксовывать.

Камнева и членов комитета тревожило то, что в «Союзе» всего один первокурсник — Андрей Набережных, да и тот малоактивен, робок, ничем себя пока не проявил. Возникла опасность, что когда через год они, второкурсники, закончат учебу и разведутся, организация прекратит существование.

— Чтобы наш «Союз» был долговечен, — говорил Камнев, — надо вовлечь в него хотя бы десять человек с первого курса.

Но ни первокурсников, ни второкурсников вовлечь больше не удавалось.

Виктор Воронов долго «охаживал» Валу Помозову, заводил откровенные разговоры, старался чаще бывать наедине. Вала уже подозревать начала (может, и не без тайной радости), что этот пригожий умный парень в нее влюбился. Но оказалось, что он хочет вовлечь ее в какую-то организацию. Девушка проявила осторожность.

— Сначала я хочу выяснить, что это за организация и кто ее разрешил, а потом, может быть, вступлю.

Воронов дал ей программу «Союза». На следующий день она вернула ее, не сказав ни слова. Воронов перестал с ней разговаривать.

В середине января 1940 года Камнев и Лысенко пытались вовлечь в «Союз» учителя Солоновской школы Волкова Василия Федоровича, своего земляка и ровесника. Он учился заочно в училище и приехал сдавать экзамены по географии и зоологии.

«8—9 января Лысенко, — показал потом на допросе Волков, — отозвал меня в сторону и сообщил, что в училище есть «Союз январичей», в него входят 11 человек. Цель «Союза» — раскрывать народу правду о том, что советские органы на селе неправильно руководят. На другой день со мною об этом же беседовал и Камнев. Он предложил мне создать подобную организацию в Солоновской школе из учеников 8-го класса и других, кого сможем вовлечь. Я согласился. Камнев дал мне программу, устав, а членский билет пообещал выслать по почте, что потом и сделал.

Поручение я выполнять не стал, взносы не платил, документы хранил в кармане. 15 марта получил от Лысенко письмо такого содержания: «П. и Б. порви, С. распался».

Шифровку доморощенного конспиратора Волков раздал без труда: «Программу и билет порви, «Союз» распался». Что и сделал, вероятно, с душевным облегчением.

«ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ НАШИХ ДНЕЙ»

Но «Союз» еще не распался. Однако не будем забегать вперед.

13 января на собрании подпольщиков Камневу и Лысенко было поручено напи-

сать брошюру о положении колхозного крестьянства. Для этого их даже освободили от работы в комитете. Новым председателем комитета выбрали Воронова, его заместителем — Ивашенко.

Камнев отнесся к поручению очень серьезно. Он даже письменно (почему-то) поделился с Лысенко своими соображениями о будущей брошюре:

«Предлагаю называть ее «Действительность наших дней».

Сущность брошюры, по моим убеждениям, должна сводиться к следующему:

1. Мы обязаны, как люди, стоящие на правде, разоблачать печать за отражение, не соответствующее действительности, раскрыть истинное лицо фразеров. Чтобы не ошибиться в разоблачении фразерства, по моему мнению, надо сначала найти корни, корешки, если хочешь, происхождения фразерства, а затем уже, как человеческое зло, отдать на уничтожение нашей критике.

2. Недостатков в действительности наших дней много. Наша задача — разыскать в них все более существенное... указать на способы борьбы с ними (ключ к действию, практике).

3. В связи с новыми критическими взглядами на окружающую действительность выработать соответствующие убеждения, некоторые черты мировоззрения...»

Камнев же написал и предисловие к брошюре. Рискую получить упрек за излишнее цитирование, я все же считаю более целесообразным привести его здесь в оригинале, а не в пересказе:

«Действительность, в которой мы живем, уже не так хороша, как ее рисуют специалисты-малыри. Мы не теряем надежды, что действительность во много раз изменится, причем в лучшую сторону, только не сегодня и не завтра. Но, отдавая справедливость истине, необходимо отметить, что в нашей действительности, такой хорошей в представлении незнающих ее, но, несмотря на это, болтающих о ней исключительно положительно, много недочетов, много плохих сторон, которые, к сожалению, умалчиваются. На это, конечно, есть своя причина...

Конкретная цель настоящей брошюры заключается в следующем: выяснить пороки настоящего общества, в чем их причина и в чем должна состоять борьба с этими пороками».

Такие мысли мы только теперь, в пору гласности, начали высказывать вслух. А тогда за них сажали и расстреливали. И Коля Камнев об этом знал...

Не знаю, как вас, читатель, а меня прямо-таки восхищает смелость, независимый ум и зрелость суждений восемнадцатилетнего деревенского паренька. Откуда брались такие люди? Ведь ничего не видел дальше своего глухого села и этого захолустного городка, заурядной сельской школы и заурядного училища, где, по воспоминаниям Ропанова, в учебе процветали догматизм, почти полное отсутствие творческого начала, а политическое развитие заключалось во вдалбливании «Краткого курса» и составленного по такому же образцу учебника истории, в трескучих лозунгах и призывах.

Других такая обстановка отупляла, засасывала, Камнева не смогла. Умница, природный организатор, он, без сомнения, был наиболее яркой личностью среди «январичей». Я думаю, далеко бы он пошел, сложись его жизнь иначе, сумей он получить настоящее образование, настоящее воспитание. Но судьба распорядилась по-другому...

Брошюру Камнев и Лысенко так и не написали. «Не было высшей цели, — объяснял потом Камнев. — Как мы ни старались ее придумывать, она не придумывалась».

Кстати, в том же самом видел Камнев и причину слабой работы «Союза». На мой вопрос, что он понимает под высшей целью, Николай Антонович так ответил:

«Мы с Василием Лысенко неоднократно обсуждали, за какой строй будем бороться. И пришли к выводу, что социализм в теории — самый лучший строй для людей. И поэтому решили распустить «Союз». К сожалению, нас опередили работники НКВД».

Это второе — и последнее! — письмо он написал за несколько дней до смерти...

ВТОРОЕ ПИСЬМО МОЛОТОВУ

Около двух месяцев ждали «январичи» ответа от Молотова. Они всерьез полагали, что глава Правительства примет близко к сердцу их письмо, поблагодарит через газету «Правда» за то, что открыли ему глаза и, конечно, примет меры. Так велика была их вера в справедливость Советской власти! Можно ли их, юных, неопытных, за это судить, если многие взрослые пронесли эту веру даже через тюрьмы и лагеря?..

Ничего не дожидаясь, «январичи» решили написать Молотову снова. Вот оно, это письмо, с небольшими сокращениями:

«Насколько нам известно, в колхозах середки* Союза и других местах его колхозники обеспечены крайне неудовлетворительно. В посевную, сенокосную и хлебоуборочную кампании они работают без выходных и безвыездно из производства. А перечисленные кампании тянутся месяцами...

Постоянная нужда колхозника и тяжелый труд дают скорбно о себе знать. Бросая самовольно работать в колхозе, говоря при этом: «Да ее тут сам черт не переработает», он едет в ближайший городишко, а порой и дальше за товаром, навлекая на себя тем самым гром и молнии тюрьмы. Но иначе он не может поступить, ибо нагой — не работник. И вот, не считаясь ни с какими обстоятельствами и сезонными работами, едет колхозник, чтобы купить себе сапожки хоть на толкучке и детям — рубашонки и обувь, ибо ему не в чем в колхозе работать, а школьнику учиться.

Между прочим, мужского пола в колхозах осталось весьма мало, да и те старики и мужчины 45—50 и более лет. Причина ясна. В колхозе он работает, как хо-

лоп, день и ночь. На производстве все же легче, культурней. Там и одеться можно поспособнее. Отсюда трижды ясно, что вся громаднейшая колхозная работа ложится на небольшую кучку основных работников. Но и эти основные работники кое-где, бывает, в горячую пору отрываются в город, чтобы обеспечить. Обеспечиться им там нелегко в силу огромных очередей. Затем они возвращаются домой, где запрягаются на год-два опять. Таким образом, право на отдых у крестьян-колхозников остается битым, что служит причиной недовольства, а, если хотите, враждебного отношения к Советской власти. Они говорят, что им жить стало хуже, чем при царе...

В чем причина столь никудышного положения колхозника? Мы считаем, что она заключается в неравном, даже неправильном распределении товаров в Союзе. В этом Наркомат внутренней торговли очень глубоко ошибается, а возможно, если это исходит из политики Правительства, то Правительство ошибается, и это тем хуже, так как недоразумение может привести к очень плохому концу, что нежелательно.

Точно так же неравномерно распределяются товары между городом и деревней. Если это делается для приманки, то мы бы сказали, что приманка плохая: дорого обходится народу, во-первых, а во-вторых, положение колхозников плохо еще и тем, что они работают без выходных. Колхозники — прежде всего люди, поэтому было бы издевательством человека над человеком принуждать их работать сверх сил, это было бы возвратом к барщине.

Необходимо пересмотреть это положение и принять соответствующие меры, то есть ввести законом выходные, как на производстве.

Народ понимает сложившееся положение несколько иначе. Он уверен, что продукция наших фабрик и заводов идет за границу и в пограничную полосу Советского Союза, чтобы показать народам капиталистического мира, что жизнь в Советском Союзе лучше, чем у них.

Газеты трещат о ежегодном улучшении благосостояния нашего народа. Мы же видим обратное. Вообще надо сказать, что болтовня переросла все границы. Несоответствие действительности в словах весьма расплодившихся болтунов достигло расцвета. Колхозники во многом правы.

Верьте нам и принимайте соответствующие меры к звонарям красных фраз.

Вячеслав Михайлович Молотов! Просим Вас откликнуться на это письмо в газете «Правда».

Автором этого письма был также Камнев, а отправить его снова поручили Семину Акименко.

«ЧЕЛОВЕК, ГДЕ ТВОЯ ГОЛОВА!..»

Всего «январичи» выпустили три номера журнала «Рассвет» (четвертый остался незаконченным).

Журнал представлял собою обыкновенную ученическую двенадцатилитровую тет-

* В черновике было: «Алтайского края», но потом, очевидно, для конспирации, исправлено на «середку».

радь, заполненную от руки статьями, расказами, стихами, авторами которых с полной откровенностью выражали свои мысли и чувства, отводили душу.

Наиболее «крамольной» в этом «самиздате» была публицистика. Вот, для примера, статья «Олега Зорькина» (Лысенко) «Важный вопрос». В ней говорится:

«Массы привыкли слушать громоздких ораторов, говорящих о всемогуществе нашей страны (это правда), о небывалом подъеме благосостояния трудящихся, вообще о том, что «все идет по маслу, все в порядке — пьяных нет!»

Выслушав такую речь, трудящийся не может сказать, что половина, мол, товарищ оратор, неправда. Он боится это сказать. Да вы знаете, люди осмеливались говорить о подобных правдах, но когда таких правдеворов кинули в тюрьму, на отработку и т. д., массы прекратили подобные правдивые выступления...»

На страницах журнала неоднократно публиковались призывы крепить дружбу, дисциплину, прилежнее относиться к учебе, а главное — к повышению политических знаний. «Роберт Бертонов» (Воронов) писал:

«При недостаточной теоретической подготовке наши честные коммунисты превращаются в пустых болтунов.

Мы теорию не должны брать из легенд и сказаний и не должны выдвигать теорию о райском житье народа (что не может быть), мы должны взять теорию из истории и практики».

Пусть и не очень складно сказано, зато, как говорится, в самую точку. Даже для наших дней. Сдается мне, Воронов предчувствовал, что в своих попытках подогнать живую жизнь целого народа под теорию, мы идем куда-то не туда. Что и случилось. Впрочем, может, я и преувеличиваю.

А заканчивает Воронов свою статью так:

«Наш «Союз» не является бандой шкуроторговцев диверсантов или шпионов... Мы боремся за интересы трудящихся масс».

В журнале можно найти критику училищных порядков, некоторых преподавателей, биографию В. И. Ленина (целиком переписанную из отрывного календаря), «Манифест Коммунистической партии» с таким добавлением: «Рабочие не имеют Отечества... Настоящее Отечество имеют трудящиеся массы СССР после Великой Октябрьской социалистической революции».

Наиболее активным и радикальным автором журнала был Николай Камнев. Вот некоторые выдержки из его статей.

«Наш народ творчески велик. Но вся его беда состояла и продолжает состоять в том, что он никак не может устроить по-человечески свою жизнь. Этому препятствует один фактор, с которым нам надо вернуть ожесточенную борьбу, — это страх.

Борьба наша сводится не только к крючкотворству, дирекцией, учителями, но и (не пугайтесь!) против линии ВКП(б), если она окажется неправильной, в ущерб народного счастья».

Ну что вы скажете? Наш современник..

А вот что писал он в статье «О жизни»: «...Было время, когда я испытывал страх за свою жизнь, но упорной настойчивостью, внушением победил его.

Многие из нас, вступая на путь борьбы за свое и народное счастье, опасаются смерти. А что бояться смерти нам, людям, борющимся за счастье и правду народных трудящихся масс? Поверьте, лучшей нет доли умереть борцом за счастье народа! Лучшей нет доли — гореть и гореть!..»

И далее:

«Надо твердо верить в то дело, за которое ты борешься. Нужно увлекать массы личным примером. Нужно любить и уважать справедливую критику. Нельзя говорить то, во что не веришь сам».

Прекрасные слова, не правда ли?..

В разгар финской войны Камнев писал: «Что за безумие — уничтожать друг друга, культуру? Человек, где твоя голова? На плечах ли она у тебя? Неужели ты никогда не поймешь ужас войны, нищеты, голод? Ведь все в твоих руках...»

Сравнивая положение современного крестьянства с тем, что описал А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву», Камнев спрашивает: «Но ведь Радищев восстал против безвыходного положения, каторжных работ крестьян! Не сделать ли то же нам?»

Это единственный случай, когда он так резко ставит вопрос. Несколько позже это сделал и Гриша Иващенко. Он предложил программу, в которой говорилось, что свободу не выпрашивают, ее завоевывают с оружием в руках.

— Так учил Ленин, большевики!

Но «январичи», и Камнев в том числе, с негодованием отвергли ее. О вооруженной борьбе они и не помышляли.

Журнал «Рассвет» лишний раз подтверждает чистоту помыслов «январичей». Никакие это были не враги Советской власти, их сделали такими на суде. Они лишь искали правду, пытались бороться за нее со всей юношеской непосредственностью и наивностью. Как умели...

К сожалению, журнал читали только члены «Союза», да и то не все. Неопытные в вопросах конспирации, «январичи» тем не менее остерегались проводить какую-либо работу вне рамок «Союза». Они варились в собственном соку, и это заранее обрекало их на поражение.

Хочется упомянуть еще об одном их замысле по «самиздатской» части. Комитет поручил Акименко, Пархоменко и Лямкиной выпустить «литературно-художественный журнал», состоящий из пословий, поговорок, песен и собственных стихов «январичей». Но замысел этот так и не был осуществлен.

«ЗАСВЕЧЕНЫ», ЗНАЧИТ — ОБРЕЧЕНЫ

Вероятно, со временем «январичи» с гораздо большей ясностью, чем в первые дни, поняли, какой опасности подвергают себя, играя в подполье. Риск был нешуточный, а толку — чуть. И у некоторых не выдержали нервы.

12 февраля, на очередном собрании, Василий Лысенко, один из организаторов и самых активных членов «Союза», вдруг положил на стол председателя заявление:

«После глубокого раздумья и анализа жизни я переубедился. Считаю, что затеянное нами дело — чепуха, это я говорю о себе. Прошу исключить меня из членов комитета и членов «Союза январичей». Все, мне известное о «Союзе», не бойтесь, оставшиеся, будет сохранено только в моей голове...»

Рядом с этим заявлением положил свое и Гриша Иващенко.

«Я отрекся от тех наших идей, которые мы ставили. Я осознал заслуги партии и правительства большевиков. Прошу исключить меня из членов вашего «Союза январичей».

Их примеру последовала и Клава Лямкина. Та не стала ничего писать, просто положила перед расстроенным Камневым членский билет и ушла, тряхнув своей пышной черной косой.

Одновременный выход из «Союза» сразу трех членов породил растерянность и даже панику среди оставшихся. До 24 февраля «Союз» прекратил всякую деятельность.

Николай Камнев свои горькие чувства выразил, как всегда, письменно:

«Союз» не умер, «Союз» будет жить... Вышедшие товарищи говорили, что, дескать, ваш журнал можно и открыто организовать и писать в него все, что думаешь. Поверьте, этого сделать нельзя. Пропаш тот человек, который вздумает пойти на этот шаг. Его заклюют!

Отсюда наша нелегальность. Только нелегальная работа дает прочную закалку человеку.

Я в организации больше года. За это время сделали два письма, полные плача народа, услали т. Молотову. Если наше правительство народное, а в этом мы не сомневаемся, то, видимо, без результата наша забота не пройдет...

Мы еще очень молоды, в нелегальных организациях не работали, а многие даже и в легальных не работали, следовательно, наша задача — развиваться, учиться работать, овладевать знаниями большой политики, закалять в себе волю, научиться хорошо, литературно говорить и писать...»

Несколько позже Камневу удалось уговорить Иващенко и Лысенко вернуться в организацию. Он заверил их, что «Союз» в дальнейшем не будет заниматься политикой, а только лишь самообразованием и воспитанием у членов большевистских качеств характера.

Клава Лямкина отказалась возвращаться. С ней решили не разговаривать.

«Союз», если не считать Клавы Лямкиной, удалось восстановить. Но это была уже, если можно так выразиться, склеенная фарфоровая чашка...

Вполне возможно, что в скором времени, убедившись в наивности и тщете своих усилий, «Союз январичей» тихо распался бы сам собой и остался лишь в памяти его членов прекрасным воспоминанием о благородных юношеских порывах изменить мир, не принеся никому ни зла, ни особой

пользы. О намерении распустить «Союз» писал, как уже говорилось, и его руководитель Камнев.

И власти, наверно, в любое другое время не стали бы придавать большого значения действиям юных карбонариев, тем более, продиктованным самыми благими намерениями. Стоит ли раздувать из мухи слона? Ведь ребята они в общем-то слабые, правильные ребята, а их «Союз», подпольные клочки, письма и пр. — это по молодости, от революционной романтики.

Ну, для порядка влепили бы закоперщикам по комсомольскому выговору, на худой конец, выгнали бы одного-двух из училища — и дело с концом!

Но такое решение в то время было немыслимо. Для администрации училища оно означало бы верную гибель «за потерю политической бдительности», «укрывательство врагов народа» и т. п., там бы уж сформулировали. Чудовищный маховик репрессий, хотя и несколько сбавивший обороты по сравнению с 1937-м годом, продолжал крутиться, и перед ним беззащитны были все, от наркома до колхозника. Если на то пошло, не составляли исключения и сами органы НКВД. Кто из сотрудников осмеливался не то что воспротивиться, а выразить сомнение в правильности карательных мер, немедленно сам подвергался суровой каре. Логика тут проста: они были всего лишь исполнителями, а от исполнителя требуется беспрекословное повиновение.

Я далек от намерения обелять «органы», но не согласен с теми, кто ныне валит на них всю вину за случившееся. Теперь уже не секрет, что пресловутые «тройки», отправившие на смерть и муки миллионы безвинных людей, возглавляли, между прочим, первые секретари обкомов (крайкомов) партии. Возглавляли! Вот и взяли бы часть вины на себя...

Но вернемся к «январичам». В той обстановке охоты за инакомыслящими, всеобщего страха, доносительства они просто не могли уцелеть. Тем более, что, увы, были «засвечены» чуть не с первого дня, а следовательно, и обречены...

ОНИ ВСЕ БЫЛИ ЗАЛОЖНИКАМИ

Очень не хотелось бы называть имена «январичей», выдавших организацию. Отстаиваю то, что я не знаю их дальнейшей судьбы. Вполне возможно, что партии сложили головы где-нибудь под Сталинградом или на Курской дуге, а девушки прожили честную трудовую жизнь, стали матерями и бабушками. Стоит ли чернить их за грехи полудековой давности, доставлять страдания их детям, внукам?

Но если умолчать об этих прискорбных фактах, то весь рассказ о «январичах» распыляется, и я не знаю, как свести концы с концами. Поэтому, скрепя сердце, решаю назвать виновников, но отнюдь не с целью «заклеймить», «предать проклятию» и т. п. Нет и нет! Этим людям мне хочется даже посочувствовать. Ведь они были заложниками, жертвами той глубоко безнравственной системы, где выискивать и

разоблачать «врагов народа» вменялось в обязанность даже пионерам, где доносительство — даже на родную мать, родного отца — возводилось в ранг гражданской доблести, а доносчик прославлялся как великий патриот и с него призывали брать пример.

Кроме того, считаю, что люди, выдавшие «Союз январичей», сами себя наказали, сами всю жизнь казнили себя за недостойный поступок.

А теперь расскажу, как это случилось. 12 декабря 1939 года состоялось, если помните, первое собрание подпольщиков. Семен Акименко на него припоздал, к тому же пришел не один, а с дружкой Иваном Чухлебовым, с которым жил на одной квартире и сидел за одной партией.

Воронов, незадолго перед тем вовлекший в организацию Семена Акименко, дал ему задание вовлечь и Чухлебова. Увидев их вдвоем, он, на всякий случай, спросил Чухлебова:

— С тобой Акименко о чем-нибудь говорил?

— Нет, — ответил тот.

— Тогда выйди отсюда. У нас репетиция.

Чухлебов без возражений повернул назад, а за ним и Акименко. Но когда они спустились на нижний этаж, Воронов крикнул сверху:

— Акименко, вернись!

Тот вернулся и, наконец, понял, почему завернули его дружка: собрание-то было секретное, подпольное!..

Но держать секреты было, видимо, не в характере Сени Акименко, выше его сил. В тот же вечер он обо всем рассказал Чухлебову. Ничего не утаил! А через три дня все выболтал и третьему сожителю по квартире — учащемуся 1-го курса Марку Кабакову.

Марка эта новость не на шутку испугала (неудивительно по тем временам). Он предложил Акименко немедленно пойти к директору училища и обо всем рассказать, пока дело не дошло до НКВД.

К директору Шамину они отправились втроем. У того в кабинете сидели завуч Чубаров, учитель физики Мищенко, секретарь комитета комсомола Лисин, его заместитель Паляница. В их присутствии Акименко и выложил все, что знал. В заключение пожаловался, что у него нет денег, чтобы уплатить взносы — вступительные и за декабрь, всего 7 рублей. Директор вынул из кошелька десятку, протянул ему.

— Уплати, продолжай с ними работать и никому ничего не говори.

Взносы Акименко, между прочим, так и не уплатил!..

Шамин донес о случившемся в Рубцовское районное отделение НКВД. Мог ли он поступить иначе в те годы?

Оттуда сразу же прибыли два сотрудника и взяли подписку о неразглашении у всех, кому стало известно о подпольной организации. Взяли аккуратно, не возбудив ни малейшего подозрения у «январичей».

16 декабря Акименко, Чухлебова и Кабакова тайно вызвали в НКВД, где они написали объяснения, затем с них был

снят еще и форменный допрос. Там и там они повторили то, что рассказали директору училища. Назвали и всех членов «Союза».

Рискину высказать предположение, что Акименко и от НКВД получил задание продолжать работу в «Союзе». Добровольно или под нажимом дал он согласие на это, гадать не будем.

В уголовном деле о «январичах» хранится и заявление Каравасовой Екатерины начальнику Рубцовского отделения НКВД. Заявление без даты, но судя по сорту бумаги и содержанию, оно было написано в одно время с Акименко, Кабаковым и Чухлебовым. В заявлении есть такие строки: «...Убедившись, что «Союз январичей» является нелегальным, я решила донести о его работе органам НКВД».

Вот так!..

Катя Каравасова была круглой сиротой, жила на одну стипендию. Состояла в комсомоле. Это все, что мне о ней известно. Что ее толкнуло на столь сомнительный поступок? Страх перед наказанием за недоносительство или долг комсомолки, как его тогда свыше трактовали? А может, просто вызвали забытую тихоню-сироту, нажали, а потом оформили ее показания как добровольное заявление, как пример всенародной поддержки «органов» в их неусыпной борьбе с врагами народа? Ответа я не знаю!..

Заодно скажу, что несколько позже, 25 января 1940 года, «чистосердечные признания» сделала Анна Лопатина. Выбор на нее пал, мне думается, потому, что она была уже «мечена»: отец «изъят по линии НКВД», семья лишена избирательных прав, сама она исключена из комсомола. Такую легче припугнуть, «расколоть».

Ничего нового Анна не сказала. Ее допросили, видимо, лишь для того, чтобы проверить ранее собранные сведения. Запираться она не стала.

Читатель вправе спросить: почему «Союз январичей» оказался, грубо говоря, сгнилой?

Я бы сказал, что ничего удивительного в этом нет. Тотальная слежка, породившая взаимную подозрительность, всячески поощряемая громкими лозунгами охота за «врагами народа», суровые кары за «притупление бдительности», чувство страха и беззащитности перед всемогущим, всевидящим НКВД — сколько хороших людей это сломало, сколько чистых душ изувечило!

Между прочим, Николай Камнев на суде узнал о предательстве Акименко. И он его простил. От чистого сердца простил. Уверен, что еще охотнее простил бы он и Катю Каравасову, и Аню Лопатину, Не будем судить их и мы. Они были всего лишь жертвы того жестокого времени!..

После всего сказанного надо ли говорить, где оказались письма Молотову?

Акименко поставил в известность районное отделение НКВД, а также директора училища и о том, когда будет расклеена листовка, направленная против завуча Чубарова. Павел Иванович решил пораньше прийти в училище, чтобы снять листовки до начала занятий. Но в полночь его вызвали в НКВД и приказали... сделать то же самое.

Акименко ему не сказал, что успел побывать и здесь.

Вернувшись, директор обошел все помещения и собрал листовки. Прибывший в 6 часов утра завуч Чубаров нашел еще две: на доске объявлений и дверях столовой. Вдвоем они составили акт и отправили листовки в НКВД.

Утром директор, видимо, не без подсказки НКВД, созвал ученическое собрание, на котором сообщил, что ночью какие-то хулиганы расклеивали листовки, оскорбляющие преподавательский состав, но выявить этих хулиганов, к сожалению, не удалось.

«Январичи» приняли это сообщение за чистую монету.

Директор, вряд ли по своей инициативе, осторожненько следил за подпольщиками. Однажды зашел, как бы невзначай, в класс, где они собрались после занятий. Сделал вид, что не заметил, как они смущались, спешно уткнули носы в книжки и тетради. Поговорил с ними о том о сем, затем спросил:

— Из членов профкома кто-нибудь есть?

— Зачем?

— Надо организовать выход учащихся на постановку в железнодорожный клуб. Членов профкома не оказалось.

— Ладно, — сказал Павел Иванович. — Занимайтесь. Кому-нибудь поручу это.

Он сам вместе с преподавателем русского языка Ганжиным Степаном Титовичем собрал учеников и повел их в клуб. По дороге Ганжин сказал:

— Павел Иванович, мне надо с вами поговорить.

Они отстали от учеников, и Ганжин, волнуясь, рассказал:

— На днях я спросил ученика второго курса Хныкина Никиту, почему он перестал посещать драмкружок, ведь раньше был очень активный. Хныкин долго отмалчивался, наконец, сообщил, что у нас в училище действует подпольная группа, которая будто бы борется за правду, пишет письма Правительству, у них есть устав, программа и у каждого — подпольная кличка. Возглавляет группу Камнев, а кто стоит за Камневым, он не знает. Возможно, кто из взрослых... Хныкин чуть не со слезами умолял меня не говорить об этом никому, иначе его убьют... «Поэтому, — говорит, — я и перестал ходить на драмкружок. Боюсь играть в пьесах с этими контрреволюционерами. У меня отец взят по линии НКВД, и меня тоже могут арестовать за связь с этой группой».

— А от кого он узнал о подпольщиках?

— Говорит, что от Марка Коробова с первого курса. Но тот еще в феврале уехал в Омск, в военную школу... Павел Иванович, а вы-то хоть знаете о подпольщиках?

— Знаю, дорогой, — вздохнул директор. — И очень прошу тебя никому больше не говорить о них. Иначе оба можем без головы остаться. Понял?..

По отзывам бывших учеников, Павел Иванович был добрый, отзывчивый человек, заботливый директор. Охотно верю. И не думаю, что ему доставляло удоволь-

ствие играть в кошки-мышки со своими воспитанниками.

25 января он представил доклад в райотделение НКВД. Изложив все, что знал о «январичах», он как бы в оправдание пишет:

«Некому вести работу. Комсомольцев около 400 человек, а секретаря райком ВЛКСМ взял себе. Парторг как гость...»

А в конце доклада высказывает такое предположение:

«Возможно, все члены подпольной группы являются остатками, осколками отживающих классов, дети бывших кулаков или, может быть, просто обиженных Советской властью.»

Мне кажется, что в организации этой группы принимает участие какой-нибудь профессионал. А впрочем, черт его знает, почему возникла эта контрреволюционная группа в педагогическом училище, ведь у нас культмассовая и политическая работа проводится ничуть не хуже, чем в других учебных заведениях.

Ох, лукавил уважаемый Павел Иванович! Умный человек, не мог он не понимать, что причина, толкнувшая его учеников, лучших учеников, объединиться в подпольную организацию, совсем не в слабой постановке культмассовой работы...

ЛОВУШКА ЗАХЛОПНУЛАСЬ

Дела «январичей», незримо для большинства из них, катились к роковому концу.

25 января, как уже говорилось, была допрошена Анна Лопатина.

24 февраля — Никита Хныкин. Он тоже ничего не стал таить.

В середине марта в Рубцовск, в связи с делом «январичей», прибыли начальник управления НКВД по Алтайскому краю капитан госбезопасности Николаев и начальник отдела Миков. 16 и 18 марта они дважды допросили Екатерину Караваеву. Особенно интересовались тем, как обсуждались письма Молотову.

А в ночь на 21 марта были арестованы десять членов «Союза январичей» из шестнадцати:

Камнев Николай Антонович;
Ивашенко Григорий Данилович;
Лысенко Василий Елсеевич;
Воронов Виктор Гаврилович;
Завозов Александр Савельевич;
Гуськов Анатолий Иванович;
Пархоменко Василий Прокопьевич;
Кулаков Николай Климентьевич;
Набережных Андрей Семенович;
Лямкина Клавдия Григорьевна.

Ареста избежали: Волков Василий Федорович, Вельм Алексей Александрович, Кашкаров Василий Михайлович. (Все трое находились вне Рубцовска, к тому же не принимали участия в работе «Союза».)

По причинам, о которых нетрудно догадаться, остались на свободе Акименко Семен Прокопьевич, Караваева Екатерина Андреевна, Лопатина Анна Михайловна.

Михаил Афанасьевич Ропанов вспоминает:

«В марте, в весенние каникулы, мы с Камневым решили съездить домой, в Селиверстово. Поскольку из Рубцовска в наше село никакой транспорт не ходил, мы добирались туда так: поездом — до Пospelихи, а там ловили попутную подводу. (Зимой из Селиверстова на Пospelихинский хлебоприемный пункт ходили обозы с хлебом.)

В тот вечер, 20 марта, мы по пути из училища зашли на вокзал, узнали, когда идет поезд на Пospelиху; придя домой, поужинали, позанимались немного перед последним учебным днем и легли спать.

Вдруг среди ночи — стук в дверь! Вошли трое военных, приказали хозяйке занавесить окна, предъявили ордер на обыск и арест, приказали Камневу открыть его сундучок, стоявший под кроватью, указать, какие учебники и тетради, из лежавших на столе, принадлежат ему.

Нас с хозяйкой предупредили, что мы будем понятыми.

Обыск проводили долго, тщательно. У Камнева из сундука выгребли массу документов: протоколы подпольных собраний, планы работ, устав и программу «Союза», бланки членских билетов, два номера рукописного журнала «Рассвет». Все занесли в протокол, заставили Камнева и нас подписать. Затем велели Камневу собираться. Он мне говорит:

— Езжай домой один.

Руководитель обыска, услышав это, сказал:

— Я бы не советовал тебе ехать. Зайди завтра к нам.

Можете представить мое состояние: я ведь ни сном, ни духом не знал о подпольной деятельности Камнева, хотя и спал с ним на одной кровати. Для меня это было как гром среди ясного неба. А тут еще и самого вызывают туда...

Утром пришел в НКВД. Там сказали:

— Возвращайся в училище. Там сегодня будет комсомольское собрание, предлагаем тебе выступить.

Выступать мне совсем не хотелось, но я понимал, что это «предложение» равносильно приказу. Отказаться нельзя: с НКВД шутки плохи. В общем, перетрусил малость, что там скрывать! И сказать что-нибудь в защиту арестованных тоже не посмел (впрочем, как и все выступившие), хотя ни секунды не сомневался (и думаю, не я один), что никакие они не враги. Ну как я мог назвать врагами Колю Камнева, Гришу Иващенко, Васю Лысенко, с которыми в одном селе родился и вырос, вместе учился?..

Но о чем-то говорить было надо. И я обрушился на классного руководителя Абрамовича Дмитрия Устиновича, молодого, недавно прибывшего преподавателя педагогики, раскритиковал его за потерю бдительности. После собрания он резонно заметил мне:

— Хорошо, пусть я потерял бдительность. Но какое ты имеешь моральное право упрекать меня в этом, если сам столько времени жил вместе с врагом народа и не смог разгадать его нутро?

В общем, нескладно у меня получилось...»

Об этом же собрании рассказал мне еще один бывший ученик Рубцовского педагогического училища Еременко Василий Григорьевич:

— Народу в клуб (он у нас в подвале находился) набралось человек четыреста. Дышать нечем. Прибыли секретарь горкома партии, секретарь горкома комсомола, два работника НКВД. Сели в президиум. Вообще-то городское начальство и раньше нас не обходило: как-никак очаг культуры и просвещения, престижное по тем временам учебное заведение. Но на сей раз повод был особый. Секретарь горкома партии доложил, что органами НКВД раскрыта в училище подпольная контрреволюционная организация, которая вела борьбу против Советского Правительства. Участники ее арестованы и получают по заслугам. Но как могли комсомольцы училища допустить, что в их рядах орудовал враг? Позор! Утрата политической бдительности!.. Словом, прокатился по нам. Зал битком был набит, но в нем стояла мертвая тишина. Лишь изредка вздыхал кто-нибудь из девчонок. Их в училище в два раза больше было, чем парней.

Пожалуй, никто из нас не верил, что арестованные — враги. Ну какие же они враги? Обыкновенные деревенские ребята, очень бедно одетые (как и все мы тогда), хорошие товарищи, активные комсомольцы, лучшие ученики. Но вслух свои сомнения высказывать никто не решился, тем более в присутствии работников НКВД. Времена были, сами знаете, какие...

Выступили еще два-три человека. Особенно разорился заместитель секретаря нашего комитета комсомола Иван Паляница. Клялся смыть пятно и так далее. Но в зале по-прежнему стояла мертвая тишина...

Этим собранием дело не кончилось. В день ареста бюро райкома «за контрреволюционную деятельность» заочно исключило из членов ВЛКСМ Камнева, Лысенко, Воронова, Иващенко, Завозова, Лямкину, 22 апреля та же участь постигла Пархоменко, Кулакова, Набережных, Караваеву. Из членов «Союза» лишь Семен Акименко сохранил комсомольский билет. Вот что сказано о нем в протоколе:

«...Лучший общественник, дисциплинированный и хороший учащийся. Был вовлечен контрреволюционной группой, но работы не проводил, хотя сам был членом контрреволюционного комитета. Поняв цель этой группы, заявил об этом секретарю комитета комсомола училища.

Постановили: Предупредить и быть еще бдительнее к врагам народа».

СУД

3—6 мая 1940 года в Барнауле состоялось заседание судебной коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда в составе: председательствующего Ложкова, народных заседателей Неженцева и Фелелова, с участием прокурора Назаровского и адвоката Гоманкова.

Суду были преданы шесть человек: Камнев, Лысенко, Воронов, Иващенко, Завозов, Лямкина.

Напрасно искать в выступлениях подсудимых и на предварительном следствии той же смелости, независимости суждений, которыми так богаты, например, их публикации в журнале «Рассвет». Судя по протоколам, все они признали свою вину, покалялись в ошибках.

Но как-то не верилось протоколам. Конечно, полтора месяца в тюремных стенах, изнурительные допросы способны сломить не только 17—18-летних, но не могли они так легко пасть на колени, отречься от самых главных, самых прекрасных своих мечтаний и порывов. А протоколы — они писались людьми, заинтересованными в определенных показаниях подследственных, и добывать такие показания эти люди умели.

Позже, познакомившись с содержанием беседы корреспондента газеты «Молодежь Алтая» А. Черникова с Н. А. Камневым, я убедился, что был прав в своих сомнениях. Николай Антонович сказал, что они лишь формально признали себя виновными, а в душе считали, что ничего преступного не совершили.

«А вообще, — говорил он, — была у нас мысль не признать свою вину на суде. Но моральное давление было ужасным. Помню, на следствии, во время допросов, к следователю заглядывали его коллеги. Увидев нас, выходили из себя: «Вас, таких-сяких, без суда расстрелять надо!» Прокурор на суде кричал: «Вы не советские люди! Наши ребята кровь льют (тогда шла война с белофиннами), а вы антисоветчиками заделались, в контрреволюцию ударились!»

Допрашивали не только днем, но и ночами... Запугивали — да, но бить не били. Со мной в камере неделю сидел капитан, бывший следователь НКВД, говорил, что тоже подследственный, так тот ужасов порассказал о допросах: и как в тулупе на горячую печку сажали, и как кости людям ломали... Может, он подсадной был, на испуг нас брал, кто знает...»

По его словам, следователи на допросах «крутили, мудрили, намеками, подсказками вытаскивали нужные для них показания, направляли следствие в нужное для них русло».

На суд была вызвана, в качестве свидетелей, группа учеников педагогического училища во главе с классным руководителем Д. У. Абрамовичем. В их числе был и Семен Акименко. В своем выступлении он заявил:

— Я великолепно убедился, что эта организация явно контрреволюционная, и об этом сообщил, куда следует.

Акименко усердствовал больше, чем это вызывалось необходимостью. Хотелось бы знать, дал ли он позже истинную оценку своим поступкам?..

Не проявила благородства и Анна Лопатина: сначала пыталась уверить суд, что даже не подозревала об истинных целях «Союза январичей», затем опустилась до таких домислов, что судьи не решились даже принять их во внимание. Заявила, что Камнев уговаривал подпольщиков убить кого-нибудь, чтобы завладеть оружием; что Клава Лямкина в Алма-Ате, где раньше жила, водилась с блатным миром.

Камнев не счел нужным отвечать клеветнице, а Клава Лямкина гневно крикнула с места:

— Это ж я тебе из книжки «Атаман Пузырь» рассказывала, а не про себя!..

Суд формально хоть и отличался от пресловутой «тройки» (даже адвокат был), но можно с уверенностью сказать, что приговор его был заранее predetermined хот бы потому, что подсудимые обвинялись по печально знаменитой 58-й статье («Контрреволюционные преступления»). Страшнее этой статьи в то время не было.

Пристрастность суда проявлялась даже в формулировках протокола. Так, собрания подпольщиков именовались не иначе как «сборищами», сами они — «контрреволюционерами» (еще до приговора), их убеждения — «антисоветскими» и т. п.

Под рубрику «контрреволюция» подводилось все, что было можно. Виктора Воронова, например, обвинили в «антисоветской агитации» за то, что он зачитал товарищам письмо от брата, учившегося в Воронеже. Брат писал:

«Воронеж своими жителями представляет скопище голодающих, пострадавших от колхозной жизни. В столовой и в пивной, в бане и на почте, у прокурора и в театре (очевидно, у театра. — В. Г.) — всюду длинные очереди оборванных и злых от недодания людей».

У Гриши Иващенко нашли в блокноте «антисоветскую» частушку:

Колхозник идет,
Весь оборванный,
Лошаденку ведет,
Хвост оторванный.

Гриша пытался доказать, что собирался в будущей своей поэме вложить эту частушку в уста злостного врага колхозного строя — кулака. Не поверили.

Судьи не увидели, а точнее — не захотели увидеть, что сидевшие перед ними наголо остриженные, бедно одетые, со следами физических и душевных мук подростки — совсем не враги Советской власти. Они верили руководителям Партии и Правительства, прилежно изучали Ленина, стараясь сверять свою жизнь по нему, а все их грехи состояли в том, что они дважды дерзнули сообщить Молотову о несправедливостях, виновниками которых считали местные органы власти. Так пытались они бороться за правду, лучшую, более справедливую жизнь крестьян и всего народа. Не имея возможности сделать это открыто, объединились в подпольный «Союз».

Можно смело сказать, что это была лучшая часть молодежи. Гордиться бы ею, а не в лагерь гнать!

Ничего этого не приняли во внимание ни судьи, ни прокурор, ни защитник, невнятно пробормотавший что-то о слабой постановке культурной работы в училище и желательности учесть возраст при определении им меры наказания.

Было бы наивно объяснять это личными качествами членов суда, добрые они были или злые, хорошие специалисты или плохие. Главное заключалось в том, что это были не слуги Закона, а слуги Систе-

мы, беспощадной к инакомыслию в любом его виде, чине и ранге.

Суд признал «Союз январичей» контр-революционной организацией, письма Молотову — клеветой на Партию и Правительству, а публикации в журнале «Рассвет» — призывом к свержению Советской власти.

Камнев Николай, Лысенко Василий и Воронов Виктор были приговорены к десяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях, Иващенко Григорий — к шести, Завозов Александр — к трем и Лямкина Клавдия — к двум годам.

В день вынесения приговора лишь Камневу и Лысенко было полных 18 лет, Воронову и Завозову — 17, Иващенко и Лямкиной — 16.

Камнев, Воронов и Лямкина подали кассационные заявления о смягчении приговора. Камнев писал:

«Мы, молодые люди, родившиеся и воспитанные в советскую эпоху, не думали идти против Советской власти и ВКП(б), ибо не могли не видеть огромный прогресс в жизни...

Находясь под следствием, я произвел генеральный смотр своих маленьких убеждений, признал их идиотскими, неправильными, а борьбу с недостатками — наш лозунг — просто иллюзией...»

Не будем строги к оценке Камневым своих «маленьких убеждений». Она была сделана или под влиянием временного упадка духа, или с тактической целью. Впрочем, это ему не помогло, так же, как и Воронову с Лямкиной. Их заявления были оставлены без удовлетворения.

Иващенко, Лысенко и Завозов от просьбы о кассации отказались.

УЗНИКИ ГУЛАГА

Как сложилась дальнейшая судьба «январичей»?

К сожалению, узнать об этом удалось немного. По справке адресного бюро краевого управления внутренних дел, лишь один из них, Кулаков Николай Климентьевич, проживает на территории Алтайского края, в Рубцовске. Но в ответ на мое письмо жена его сообщила, что он уже семь лет не встает с постели, почти полностью утратил дар речи; в годы войны прошел фронтowymi дорогами от Сталинграда до Румынии, после демобилизации до самой пенсии работал на Алтайском тракторном заводе.

Гриша Иващенко в 1946 году вернулся с Колымы в родное Селверстово, к матери, вернулся согнутый, худой — кожа да кости, ходил с палочкой, сельчане с трудом узнавали его. Через полгода он умер от туберкулеза, найтого в лагерях. Было ему 24 года. Рассказывают, что почти до последнего дня Гриша писал стихи, но вряд ли они сохранились.

Клава Лямкина после отбытия наказания в барнаульской тюрьме (или ближайших лагерях) уехала в Канск. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

В материалах о реабилитации «январичей» имеется заявление Воронова Виктора

Гавриловича в Комитет Государственной безопасности СССР, отправленное из Норильска в начале ноября 1954 года. В нем он рассказывает, что наказание первоначально отбывал на строительстве железной дороги Котлас—Воркута, работал наравне со взрослыми по 12 часов в день, жил в балагане у костра, по два-три месяца не был в бане. С началом войны, как опасный государственный преступник, был отправлен в Воркуту, где вплоть до окончания срока работал на шахте десятником, помощником начальника участка, начальником участка.

«В 1950 году, освободившись из ИТЛ, я расписался на решении ОСО (особого совещания. — В. Г.) о ссылке в Красноярский край. Был направлен этапом в село Абан. В колхоз имени Буденного меня не приняли: сыльный. А кроме колхоза, в селе ничего не было, я оказался без работы, без средств к существованию. Попросился на Север. Перевели в Норильск. Работая начальником участка на шахте. Договор на пользование льготами со мной не заключили: сыльный. На учебу в Норильское отделение политехнического института не приняли: сыльный, спросил о квартире, ответили: «Сыльным не даем, стройтесь сами за пределами города».

Брак, и тот с разрешения МГБ.

Прошла амнистия — меня не коснулась. Вышел указ о снижении и снятии сроков наказания за преступления, совершенные несовершеннолетними, — меня не коснулся. Освобождают из лагерей преступников, выступавших с оружием в руках против Советской власти. Неужели мое преступление тяжелее ихнего?»

Заявление ли помогло, время ли настало другое, но уже 30 ноября 1954 года судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР по протесту Генерального прокурора пересмотрела приговор Алтайского краевого суда по делу Камнева и его товарищей и отменила его за отсутствием в действиях обвиняемых состава уголовного преступления.

А вот, с небольшими сокращениями, письмо Камнева Николая Антоновича, присланное автору этих строк. Надеюсь, оно будет интересно читателю, хотя кое в чем повторяет уже сказанное.

«...Что нас заставило объединиться в «Союз»? Все мы были дети деревни. На наших глазах проводилась борьба с кулачеством, ссылка кулацких семей в далекие края, плач, горькие слезы женщин и детей. Принудительное объединение крестьян в колхозы, бесправие и голодное существование колхозников. Обезлюдевшая от арестов деревня разорялась на глазах. Мы верили в ум и мудрость Сталина и его окружения. Так нас учили. Все, что делалось в стране, делалось правильно, — так считало большинство народа, а кто сомневался, был врагом народа.

Мы все были наивны до смешного, политически малограмотны, правдивая информация была нам недоступна. Но мы видели, что народ наш, наши крестьяне живут в бесправии и плохо. По своей наивности мы считали, что виновато в этом лишь местное начальство, хотя это тоже

было. Поэтому мы и решили о недостатках на местах информировать высшее руководство нашей страны. Но оказалось, что сделать это было невозможно.

Находясь в «Союзе», мы много читали политической литературы, хорошо учились, старались при всякой возможности пополнить свои знания. Тот недолгий период, когда жила наша организация, был самым ярким, самым светлым из всего, что прожито и пережито...

Коротко о своей жизни после суда. Приблизительно 1 июля 1940 года меня, Лысенко, Воронова и Завозова этапировали на Север. 16 июля нас выгрузили в Котласе на пересылку. Пересыльная зона была разделена на две половины. В одной находились русские и некоторые другие национальности, в другой — поляки, литовцы, латыши и эстонцы.

Через три-четыре дня нас на железнодорожных платформах, затем пешим ходом, потом на барже по Вычегде и снова пешим ходом отправили до Княжпогоста. На 151-м километре задержались на лесоповале. В декабре 1940 года меня, Лысенко и Воронова отправили на Печору. Завозов остался на лесоповале.

На Печоре нас снова разделили: Лысенко и Воронов остались на месте, а меня этапировали в Кожим. Из Кожима в 1941 году меня перевели на строительство железнодорожного моста в Косью.

25 апреля 1942 года был арестован. Меня обвинили в подготовке восстания в лаготделении и дискредитации Советской власти. В этот период действительно было восстание в Воркутинских лагерях. Но Воркута и Косью находятся друг от друга на расстоянии 400 километров. Видимо, органам НКВД хотелось создать громкое дело о подготовке восстания в районе Печоры.

Около пяти месяцев велось следствие. Подтвердить свидетельскими показаниями мое участие в подготовке восстания не удалось. 8 октября 1942 года меня судили по обвинению в распространении ложных слухов о поражении наших войск на фронтах Великой Отечественной войны и дискредитацию советской печати. Дали десять лет ИТЛ и пять лет поражения в правах.

И снова я начал «десятку»... Из центрального изолятора, где сидел до суда, меня конвоировали в колонию строгого режима на работу в каменный карьер. Из-за истощения с помощью друзей удалось перевестись на рудник Кожим. Это было в мае 1943 года. Там пробыл до октября 1948 года. В 1948 году, как опасного политического преступника, меня вместе с другими перевели в Минлаг особо строгого режима в г. Инту Коми АССР. 8 октября 1952 года я был освобожден из заключения и оставлен на вечное поселение в г. Инта.

После смерти Сталина и расстрела Берии я обратился с жалобой в Верховный суд СССР о пересмотре моего дела. 30 ноября 1954 года приговор Алтайского краевого суда был отменен. А 30 ноября 1955 года Коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР по моему ходатайству отменила приговор Военного трибунала войск НКВД при управлении Северо-

Печорской железной дороги также за отсутствием состава преступления.

За двенадцать с половиной лет заключения был на самых разных работах, последние годы — бухгалтером. Выжил за счет молодости...

Вскоре после реабилитации переехал в город Славянск Донецкой области... Уже будучи на свободе, пытался по старым адресам найти товарищей по «Союзу», но никто мне не ответил...

ЗЕРНА ПРАВДЫ

«Дверь открыл сухонький морщинистый старичок с седым венчиком волос и жесткой щеточкой усов — ни дать ни взять Булат Окуджава...»

Таким весной 1989 года предстал перед корреспондентом Александром Черниковым Василий Елисеевич Лысенко.

Разговора у них, к сожалению, не получилось. Василий Елисеевич на все вопросы отвечал однозночно:

— Не знаю... Не помню... Никакой организации не было. Разговоры были, да...

Очень скупо рассказал о пребывании в лагерях, а на вопрос, жалеет ли он о случившемся, ответил:

— А как же не жалеть? Десять лет пропало. Судьба могла бы сложиться по-другому. Но с другой стороны... множество замечательных людей встретил в лагерь...

Совсем по-другому ответил на этот вопрос Камнев, по описанию Черникова, «невысокий светлый старик с угловатым строгим лицом, как шрамами, иссеченным морщинами».

— Тот недолгий период, когда жила наша организация, был самым ярким, самым святым из всего, что прожито и пережито.

Почему бывшие соратники так по-разному оценивают свое прошлое?

Послушаем Михаила Афанасьевича Романова. Во-первых, он один из немногих, кто еще может рассказать об этих людях, во-вторых, интересен нам сам по себе, как представитель поколения, из которого вышли «январичи».

«Вася Лысенко... Насколько помню, он ничем не выделялся. Небольшого роста... Никогда не слышал от него громких речей. Мне и сейчас удивительно, как мог тихий, никого не обижавший Вася вступить в «Союз январичей», сунуть голову под топор? Романтика? Но она скорее была свойственна Грише Иващенко».

Напрасно жалеет он о потерянных годах. Ему бы гордиться. Мы, его одноклассники, получили дипломы учителей 22 июня 1941 года. На выпускном собрании узнали о войне. И чуть не вместе с дипломами нам вручили повестки военкомата; образно говоря, мы стали не учителями, а солдатами. Наш выпускной вечер оказался прощальным. Вы, наверное, знаете печальную статистику: из ста призванных наших лет рождения (1921, 1922, 1923) вернулись домой трое, да и то многие калеками. Так что его жизнь, конечно же, могла сложиться иначе, а могла и никак

не сложиться. А он к началу войны уже совершил подвиг...

Конечно, лиха он хлебнул по горло, может, и после освобождения столкнулся с несправедливостью и до сих пор не уверен, что старые времена не вернуться. Поэтому и не захотел раскрываться перед заезжим корреспондентом. Но только мне, журналисту с сорокалетним стажем, кажется, что Черников больше сам виноват: не сумел по молодости, по неопытности разговорить его...

Вася ведь и на мое письмо не ответил. А поговорить с ним очень хотелось. Но не мне его судить. В свои 18 лет он столько перенес — врагу не пожелаешь. Другой вообще мог бы потерять человеческий облик. Вообще с Васей что-то недоосмыслено, недобеседовано, недовыявлено...

Камнев по сравнению с ним был, мне кажется, человеком более твердых убеждений. Он не изменил им и в лагере. Подтверждением этого я считаю его повторную судимость по той же 58-й статье. Таким он и освободился.

Помню, где-то после XX съезда партии мы встретились с ним в Селиверстове. Он работал бухгалтером, я журналистом в одной из уральских газет. Посидели, выпили, разговорились. Хотя в политике он оставался цепким, логичным, но чувствовалось, что ему не хватает знаний. Лагерь отняли у него не только время, но и придержали его в теоретическом развитии.

Я спросил его:

— На какой результат вы рассчитывали? Неужели всерьез надеялись перестроить власть на местах?

Он ответил:

— Смотреть, как люди работают за пустой трудодень, было тяжело. Сам я, если сказать правду, ожидал провала. Но в то же время надеялся, что мы посеем зерна правды как можно в большем количестве молодых душ. Размаха в нашем движении не было. Наши споры на собраниях были навивными, но все-таки приносили радость, потому что мы говорили, что думали, что на душе лежало. Конечно, будь мы опытнее, все организовали бы по-другому. Но сожалеть не приходится: мы были честными перед собою, жаль только, что сделали так мало...

Плохо то, что дальше местных уродств они ничего не видели. Им не под силу было разобраться в происходящем — не хватало знаний, жизненного опыта. Зато был порыв. Святой порыв. В то время, когда многие из нас, их ровесники — да и взрос-

лые тоже, — срывая глотки, орала на собраниях: «Смерть фашистским наймитам Тухачевскому, Якиру, Уборевичу» или, в лучшем случае, трусливо отмалчивались, они с безумством храбрых поднялись на борьбу со злом.

И я жил обманенным, как большинство моих сверстников. Свято верил Сталину, готов был за него перервать глотку любому. Я был слепой дважды: не видел, что творится вокруг, и не знал, чем занимаются мои товарищи. И после войны, уже работая в газетах, идейным был до невероятности в смысле веры в Сталина, в светлое будущее и т. п. Прозрение наступило в 1953 году, на северном Урале, в городе Краснотуринске, куда меня перевели редактором городской газеты. Там я впервые встретился с немцами, высланными из Поволжья. Ну а полное просветление наступило лишь после доклада Хрущева на XX съезде. Это было потрясение...

Теперь, в старости, утешаю себя тем, что, работая всю жизнь в газетах, не занимался идеологической пропагандой, предпочитал ей критические материалы...

«Январичи»... Склоняю голову перед бесстрашием этих ребят. Единственное, о чем жалею: слишком поздно пришло ко мне прозрение...

В трагически темной ночи сталинщины подвиг «январичей» сияет пусть небольшой, но яркой звездочкой. Это неверно, что они, как и воронежцы, ничего не добились, кроме беды на свою голову. Юные подпольщики доказали, что никаким террором нельзя превратить народ в бессловесных рабов, убить в нем стремление к свободе, правде и справедливости, что даже в ту мрачную пору были непокоренные, несдавшиеся и среди них первые — наша молодежь, что делает ей особую честь.

Мы и теперь живем в непростое время. Идет слом вчера еще священных догм, крушение недавних авторитетов, мучительные поиски пути к правде, справедливости, подлинно свободной счастливой жизни.

Наши мечты и стремления намного шире по размаху, но они созвучны с теми, которыми жила полвека назад маленькая когорта «январичей» из Рубцовского педагогического училища. Потому их подвиг близок нам и дорог, и он не должен быть забыт. Они показали грядущим поколениям прекрасный пример мужества и высокого понимания гражданского долга. Зерна правды, посеянные ими, дали добрые всходы...